

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРАВА

канд. юрид. наук, доц. **И.В. ШАХНОВСКАЯ**
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8828-1091>
e-mail: i.shakhnovskaya@psu.by

В статье рассматриваются вопросы различных аспектов цифровизации права, пределов цифровизации права при проведении научных исследований, проводится анализ современных научных направлений проводимых исследований в области цифровизации права. Автор акцентирует внимание на тенденциях, связанных с цифровизацией права. Приводится авторская позиция относительно понимания концепции цифровой личности, рассматриваются имеющиеся подходы к трактовке цифровой личности, анализируются особенности цифровых правоотношений, новых юридических фактов как оснований для возникновения, изменения и прекращения правоотношений в сети Интернет. Кроме того, формулируются выводы относительно расширения субъектного состава правоотношений, о наличии особенностей отдельных объектов правоотношений. Автор исследует вопросы, связанные с направлениями «реагирования» права на воздействие информационных технологий, выделяет признаки, характерные для «права цифрового мира».

Ключевые слова: цифровизация, цифровая личность, виртуальные действия, цифровые правоотношения, цифровое право.

Введение. Актуальность исследования обусловлена постоянным ростом и внедрением информационных технологий во все сферы жизни общества и государства. Цифровизация становится фактором трансформации и переосмысления основных правовых категорий, характерных для классической теории права. В результате такого рода преобразований изменению подвергаются субъекты и объекты права, структура правоотношений. Благодаря процессам цифровизации появляются новые субъекты правоотношений (цифровая личность, инициативные группы в сети Интернет), правовой статус которых требует теоретического переосмысления на уровне юридической науки.

Основная часть. Право представляет собой систему правил поведения, совокупность определяющих норм, составляющих основу регулирования социальных отношений. Всеобъемлющие процессы цифровизации, в том числе, права, ставят важную задачу перед юридической наукой о проведении исследований об уяснении новой сущности права как юридической категории. В ряде зарубежных исследований новый образ права носит наименование Cyberlaw, Internet Law, Cyberspace Law и др. Для российской и белорусской юридической доктрины более приемлемым считается «цифровое право», которое возникает в результате цифровизации правовых явлений в обществе и государстве.

В настоящее время весь массив юридических исследований, предметом которых становятся те или иные аспекты цифровизации права, в российской и белорусской доктрине складывается по двум направлениям: 1) значительно расширяется предмет исследований юридической науки в целом за счет включения в него новых правовых понятий и категорий, таких как цифровое государство, электронное правительство, искусственный интеллект, цифровая личность, цифровой суверенитет и др. Наглядным образом такая тенденция прослеживается в новых задачах исследования для отраслевых наук. К примеру, задача конституционного права как науки в условиях цифровизации должна быть направлена на достижение баланса в сфере внедрения информационных технологий в общественную и государственную жизнь, а также сохранения человека как высшей ценности в новой цифровой среде; 2) в значительной степени в основу проведения юридических исследований берется зарубежная юридическая доктрина, что обусловлено более ранним возникновением блока юридических исследований в области цифровизации права. В данном направлении весьма рознятся европейские подходы и исследования российских ученых. Первые из них отдают предпочтение использованию понятия «цифровизация в праве» [2], в то время как российские исследователи оперируют понятием «цифровизация права» [5, с. 257].

Юридические аспекты цифровизации права в современный период рассматриваются с различных позиций. В частности, отдельный блок исследований посвящен изучению вопросов о развитии права под воздействием информационных технологий (Э.В. Талапина, А.А. Карцхия, А.А. Саурин и др.). Ряд исследований касается переосмысления цифровизации права в рамках юридической доктрины, а также рисков в праве, обусловленных происходящими информационными процессами (А.И. Николаев, А.И. Овчинников и др.). Место личности и искусственного интеллекта в правовых отношениях в условиях цифровизации права были исследованы такими учеными, как А.В. Холопов, С.А. Воронцов, А.А. Васильев, А.С. Александров и др.). Нельзя оставить без внимания вопросы исследований трансформации прав человека в условиях цифровизации. Наиболее частыми аспектами правовых исследований в данной области стали цифровые права личности (идеи об их возникновении или отрицание этой идеи), трансформация порядка реализации прав человека под воздействием информационных технологий, а также место прав человека в условиях цифровой трансформации. Данные вопросы рассматриваются в трудах М.С. Бурьянова, Ю.А. Чернышева, Е.Г. Стребковой и др.

Тем не менее, отдельные исследования «заходят в тупик», оканчиваясь лишь указанием на то, что в современный период необходима разработка блока информационного законодательства в части регулирования отношений, связанных с разными аспектами цифровизации права. Такая ситуация объяснима, поскольку в настоящий момент отсутствует устоявшееся доктринальное понимание понятийно-категориального аппарата цифровизации права. Как верно отмечает А.В. Скоробогатов, важнейшим для современных исследований является «правопонимание», поскольку именно правильное уяснение сущности права позволит правильно понимать и иные правовые явления [9, с. 146]. Действительно, только правильное понимание содержания цифровизации права, пределов и рисков, связанных с цифровой средой, позволит сформулировать особенности «цифрового права» в современный период.

Зачастую ставится вопрос о своевременности правового регулирования процессов цифровизации, происходящих в обществе и государстве. Безусловно, информационные технологии способны полностью изменять содержание права, а также его регулятивные функции. Задача права как основного социального регулятора общественных отношений заключается в реагировании на цифровые процессы одновременно в двух направлениях: развитие позитивного регулирования цифровых отношений посредством создания правовых норм, направленных на создание прав и обязанностей субъектов правоотношений (Это выражается в развитии регулятивных отраслей права); создание должной системы правовой охраны цифровых отношений путем развития охранительных отраслей права. При этом объективно складывается ситуация, при которой правовое регулирование в области охраны общественных отношений будет «отставать» от позитивного регулирования. По этому поводу справедливо высказывается российский ученый А.В. Минбалеев, характеризуя различные ограничения в области информационных технологий. В частности, автор к таковым относит отсутствие понятийного аппарата регулирования цифровых технологий, отсутствие должных моделей правового регулирования, различные ограничения технического характера [8, с. 80].

Право, согласно основным классическим теориям, носит социальный характер. Природа права находится в обществе, право рождается в процессе социальных взаимодействий между людьми. Именно общество выступает «создателем» права, в котором субъекты наделены волевым признаком. Если вести речь о цифровизации права, то следует понимать, что цифровому праву не будет присущ социальный характер. Как отмечает О.И. Мирошниченко, «перевод правовой материи в алгоритмы поведения машин осуществляют не юристы, поэтому итоговый функционал программной оболочки будет существенно отличаться от первоначального «духа закона», причем в сторону упрощения и обеднения вариантов» [4, с. 31].

Такой подход позволяет выделить основные признаки «права цифрового мира»:

- 1) значительное сокращение объема правового регулирования;
- 2) уход от «духа закона». Программный код как альтернативный праву регулятор общественных отношений «не позволит» толковать правило поведения иначе, чем строго по «букве» элемента кода;
- 3) отказ от диспозитивного метода регулирования правоотношений между субъектами;
- 4) отдельные аспекты отношений в цифровой среде будут подчиняться саморегулированию.

Интересного подхода придерживаются авторы монографии «Право цифровой среды», ведя речь о том, что на уровне российской действительности цифровое право сложилось и носит завершенный характер. При этом авторы отмечают, что цифровое право не следует воспринимать с точки зрения предметной принадлежности, а необходимо рассматривать с функционально-инструментальных позиций, характерных для процессов цифровизации [7, с. 35]. Отметим, что целью данного исследования не является ведение дискуссий относительно уровня развития цифрового права в государстве, однако, отметим свою приверженность в части снижения необходимости акцентирования внимания на выделение отраслей права по предметной области регулирования общественных отношений. В этом в значительной степени и проявляется процесс воздействия цифровизации на право.

Э.В. Талапина, размышляя о цифровизации права, ведет речь об «угрозах» для устоявшейся классической теории права [10]. Автор указывает, что переосмыслению подвергаются все традиционные категории правовой науки – субъект права, объект правоотношений и др.

Автором статьи ранее проводилось исследование относительно понимания природы и сущности цифровой личности как нового субъекта цифровых правоотношений сквозь призму различных концепций [12]. Согласно первой концепции, цифровая личность представляет собой «цифрового двойника» реальной (физической) личности, осуществляющей деятельность и являющейся участником правоотношений в социальных сетях. К примеру, при таком подходе цифровая личность проявляет себя через создание профиля в социальных сетях. Так, Е.А. Либова отмечает, что цифровая личность представляет собой установленные возможности для физического человека использовать информационно-коммуникативные технологии для реализации своих прав и свобод в виртуальной среде [3, с. 110]. По мнению автора, цифровая личность полностью подконтрольна «физической» личности и может реализовать свои права и свободы после онлайн-идентификации. Занимая такую позицию, необходимо придерживаться понимания относительно того, что вопрос обеспечения защиты прав цифровой личности будет основан на фундаментальных правах человека в виртуальной среде. Здесь не требуется разработки отдельной концепции прав цифровой личности, а следует лишь пересмотреть имеющиеся формы защиты прав человека.

Следующей концепцией формирования цифровой личности является её становление через цифровые отпечатки. Цифровые отпечатки – это определенные наборы обезличенной информации, которые в своей совокупности могут превратиться в персональные данные. Особую роль в данном процессе занимают профайлы Cookies. Стоит отметить, что во Франции сформировалась судебная практика Государственного Совета, согласно которой Cookies признаны способом обработки персональных данных, в связи с чем принято решение о необходимости получения обязательного согласия от пользователя о принятии Cookies [11, с. 165]. По мнению А.С. Осановой,

концепт «цифровой личности» формируется на основании совокупности «цифровых следов», которые могут быть классифицированы на активные и пассивные [6, с. 393]. В числе передовых стран в области правовой регламентации цифровой личности находится Французская Республика. Именно там, еще в 2000 г. была предпринята попытка принять Декларацию прав цифрового человека. Кроме того, французским законодателем принят Закон о цифровой республике, где в значительной мере достаточно прогрессивными можно считать ряд норм в области обеспечения прав цифровой личности. В частности, принцип индивидуального управления своими данными, реализация «права на цифровую смерть», в рамках которого физическое лицо решает вопрос о распоряжении своими персональными данными после смерти.

Последняя концепция основана на понимании цифровой личности через деятельность роботов как субъектов общественных отношений. Отметим, что на уровне европейского законодательства была предпринята попытка понимать умных роботов как цифровую личность. В частности, 16 февраля 2017 года Европарламентом была одобрена резолюция для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике относительно создания статуса электронной личности для сложных роботов, принимающих самостоятельные решения¹. В 2019 году по инициативе Стивена Талера изобретатель обратился за выдачей патентов на искусственному интеллекту в нескольких юрисдикциях, указав, что искусственный интеллект является одним из создателей контейнера для хранения еды и сигнального маячка. Отметим, что США и Евросоюзом было принято решение об отказе, а ЮАР зарегистрировала данный патент.

На уровне отдельных государств принимаются нормативные правовые акты в области развития искусственного интеллекта. В частности, Указ Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» от 10.10.2019 г. № 490, План развития искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике, Национальная стратегия развития искусственного интеллекта во Франции и др. Вместе с тем, в этих документах искусственный интеллект не наделяется статусом цифровой личности, а понимается как технические решения либо стандарты деятельности в определенной сфере. Следовательно, последнюю концепцию формирования цифровой личности следует считать концепцией будущего, для становления которой право должно иметь новое содержание, закрепляющее принципы регулирования отношений в области искусственного интеллекта, а также установить факт признания последнего в качестве субъекта правовых отношений.

Кроме того, цифровая правосубъектность имеет ряд особенностей по сравнению с правосубъектностью физического лица, к числу которых относятся следующие:

1) правоспособность и дееспособность цифровой личности возникает с момента идентификации в сети Интернет. В данном контексте следует вести речь об отсутствии необходимости проводить разграничения между этими двумя понятиями, в отличие от классических правовых теорий. Категория дееспособности не связана больше с необходимостью выполнения определенных условий для реализации своих прав (к примеру, достижение определенного возраста);

2) вопрос деликтоспособности цифровой личности также имеет свои особенности. Зачастую отсутствие субъекта деликта, по мнению Э.В. Талапиной, обусловлено отсутствием возможности его идентификации по техническим причинам [10, с. 7].

Объект права как правовая категория также нуждается в переосмыслении. Правовое регулирование в условиях цифровизации, на наш взгляд, должно развиваться по двум возможным направлениям: 1) посредством создания новых правовых норм по причине появления новых объектов права (криптовалюты); 2) посредством адаптации имеющегося правового массива норм к новым объектам права в имущественных и неимущественных правоотношениях.

Правовые отношения в случае, если они складываются в цифровой реальности, также имеют свои особенности элементного состава. Таковыми следует назвать следующие:

1) новые субъекты правоотношений (цифровая личность, информационное общество, инициативные группы в сети Интернет и др.);

2) особенности объектов правоотношений за счет возникновения новых, присущих цифровой среде (электронные деньги, криптовалюты, цифровой образ);

3) юридические факты, на основании которых возникают, изменяются и прекращаются цифровые правоотношения, также имеют свои особенности. В частности, виртуальные действия становятся одним из признанных юридических фактов [11].

Научные исследования в сфере цифровизации права должны быть направлены на уяснение возможных пределов цифровизации, на сохранение сущности и содержания постулатов классической теории права в условиях развития цифровых процессов. К примеру, цифровизация права предполагает процесс «оцифровки» самого права как совокупности правовых норм, где первичным элементом данного процесса должно выступать само правило поведения. Корректно ли употребление такого контекста? Правильно ли говорить о том, что предметом цифровизации выступает правовая норма? Отметим свою приверженность подходу И.В. Лексина в части невозможности признания правовой нормы цифровой или нецифровой [с. 605]. Правовая норма – это правило поведения, которое регулирует определенные общественные отношения. При этом, даже если представить норму права в цифровом формате, её содержание не изменится.

¹ URL: https://robotrends.ru/images/1725/66137/201706722_Resolution_and_Charter_EU_RoboTrendsru.pdf.

К числу тенденций юридических аспектов цифровизации права Э.В. Талапина относит эволюцию законодательства, при которой «стираются грани» между публичными и частными отраслями права [10, с. 12]. Таким образом, в данном направлении развития происходит «поворот» к позициям тех авторов, которые придерживаются подхода о бессмысленности разделения права на отрасли.

Заключение. В результате проведенного исследования сформулированы авторские идеи в области тенденций цифровизации права, пределов и признаков данного процесса. В частности, установлено, что юридическими аспектами цифровизации права в современный период становятся:

- 1) расширение круга юридических исследований и круга правового регулирования за счет появления новых правовых категорий;
- 2) стирание «граней» между публичными и частными отраслями права;
- 3) цифровые процессы помогают упорядочивать нормы права (систематизация права);
- 4) появление новых субъектов, объектов и юридических фактов в цифровых правоотношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leksin, I. Law and Digitalization: Some Academic Illusions and Practical Issues // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2021. – № 14(5). – P. 602–610.
2. Radvan, M. Guest Editor's Note on Digitalization in Law // BRICS Law Journal. – 2020. – №7(2). – P. 5–9.
3. Либова Е.А. О переходе к цифровой личности // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако: материалы III Международ. науч.-практ. конф.: в 2 т. – Т. 1. – Тамбов: Изд. д. «Державинский», 2019. – С. 110–112.
4. Мирошниченко О.И., Гайворонская Я.В. Правовые проблемы цифровизации: теоретико-правовой аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 4. – С. 27–34.
5. Овчинников А.И. Риски в процессах цифровизации права // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 257–261.
6. Осанова А.С. О проблемах обеспечения безопасности цифровой личности // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сб. материалов VII Международ. науч.-практ. конф., посвящ. Дню космонавтики: в 3 т. Под общ. ред. Ю.Ю. Логинова. – Т. 2. – Красноярск, 2021. – С. 393–395.
7. Право цифровой среды / под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – М.: Проспект, 2022. – 896 с.
8. Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий / Под общ. ред. А.В. Минбалева. – Саратов: Амирит, 2019. – 207 с.
9. Скоробогатов А.В. Правопонимание как основа юридических исследований в эпоху цифровизации // Вестн. ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 5. – С. 145–152.
10. Талапина Э.В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журн. российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.
11. Талапина Э.В. Цифровая трансформация во Франции: правовые новеллы // Право. Журн. Высш. шк. экономики. – 2019. – № 4. – С. 164–184.
12. Шахновская И.В. Цифровая личность как субъект конституционно-правовых отношений // Актуальные проблемы достижения целей устойчивого развития в условиях цифровой трансформации государства и права в Республике Беларусь: мат-лы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 18-19 нояб. 2022 г. – Минск: БГУ, 2022. – С. 98–104.

Поступила 10.10.2023

LEGAL ASPECTS OF DIGITIZATION OF LAW

I. SHAKHNOVSKAYA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article discusses various aspects of the digitalization of law, the limits of digitalization of law when conducting scientific research, and analyzes modern scientific directions of ongoing research in the field of digitalization of law. The author focuses on trends related to the digitalization of law. The article presents the author's position regarding the understanding of the concept of digital personality, discusses existing approaches to the interpretation of digital personality, analyzes the features of digital legal relations, new legal facts as grounds for the emergence, change and termination of legal relations on the Internet. In addition, conclusions are formulated regarding the expansion of the subject composition of legal relations, about the presence of peculiarities in individual objects of legal relations. The author explores issues related to the directions of law's «response» to the impact of information technology, and identifies features characteristic of the «law of the digital world».

Keywords: digitization, digital personality, virtual actions, digital legal relations, digital law.